

УДК: 323.1(497.6):355.01:316.64

Стоянович М.¹**ВОЙНА, ТРАВМА И ИДЕНТИЧНОСТЬ: СЕРБСКИЙ НАРОД В БОСНИИ И
ГЕРЦЕГОВИНЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**WAR, TRAUMA, AND IDENTITY: THE SERBIAN PEOPLE IN BOSNIA AND
HERZEGOVINA IN THE CONTEXT OF AN ETHNO-SYMBOLIC APPROACH**

Tula State University

Аннотация: В статье исследуется социальный феномен войны как одного из решающих факторов формирования и утверждения национальной идентичности, с особым вниманием к сербскому народу в Боснии и Герцеговине и Республике Сербской. Рассматриваются теоретические подходы к взаимосвязи войны, этничности и государственного строительства – от этносимволистской концепции «избранных народов» Э. Смита и тезиса Ч. Тилли «война создаёт государство» до постколониальной оптики, трактующей балканские конфликты как наследие имперского правления. На обширном историческом материале – от османского завоевания и австро-венгерской оккупации до геноцида Второй мировой войны и конфликта 1990-х годов – исследуется, каким образом травматический опыт иноземного господства, межэтнического насилия и постоянной угрозы ассимиляции кристаллизовал сербскую этническую идентичность. Особо выделена роль Сербской православной церкви и героико-трагических мифов (Косовский миф, миф о гайдуках, память о Ясеноваце) в поддержании коллективной солидарности. Критически оцениваются неоднократные попытки имперских, государственно-социалистических и международных акторов сконструировать надэтническую «боснийскую» нацию без учёта глубоко укоренённых исторических обид. Анализируется постдейтонская динамика: реформы образования, пересмотр учебников истории и сопротивление сербской общины унитарным инициативам. Утверждается, что устойчивость сербского национального самосознания перед лицом внешнего давления является не следствием «примордиалистской ненависти», а рациональной реакцией на многовековой опыт борьбы за выживание. Статья адресована специалистам по этнополитологии, конфликтологии и балканистике.

Ключевые слова: война, национальная идентичность, сербы, Босния и Герцеговина, Республика Сербская, Османская империя, Австро-Венгрия, геноцид, историческая память,

¹ Стоянович Милан – старший преподаватель кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

православие, этнический конфликт, этносимволизм, постдейтонский период, образовательная политика.

Abstract: The article examines the social phenomenon of war as a decisive factor in the formation and affirmation of national identity, with special attention to the Serb people in Bosnia and Herzegovina and the Republic of Srpska. Theoretical approaches to the interrelationship of war, ethnicity and state-building are analyzed – from A. Smith’s ethnosymbolist concept of “chosen peoples” and Ch. Tilly’s “war makes the state” thesis to postcolonial optics interpreting Balkan conflicts as a legacy of imperial rule. Drawing on extensive historical material – from the Ottoman conquest and Austro-Hungarian occupation to the genocide of World War II and the 1990s conflict – the paper investigates how the traumatic experience of foreign domination, interethnic violence and the constant threat of assimilation crystallized Serb ethnic identity. The role of the Serbian Orthodox Church and heroic/tragic myths (the Kosovo myth, the hajduk myth, the memory of Jasenovac) in maintaining collective solidarity is highlighted. Repeated attempts by imperial, state-socialist and international actors to construct a supra-ethnic “Bosnian” nation without taking deeply rooted historical grievances into account are critically evaluated. Post-Dayton dynamics are analyzed: education reforms, history textbook revision and the Serb community’s resistance to unitary initiatives. It is argued that the resilience of Serb national self-consciousness in the face of external pressure is not a consequence of “primordialist hatred”, but a rational response to a centuries-long experience of struggle for survival. The article is intended for specialists in ethnopolitology, conflict studies and Balkanology.

Keywords: war, national identity, Serbs, Bosnia and Herzegovina, Republic of Srpska, Ottoman Empire, Austro-Hungary, genocide, historical memory, Orthodoxy, ethnic conflict, ethnosymbolism, post-Dayton period, educational policy.

Введение

Кровавый коллапс Югославии и трагедия Боснии и Герцеговины породили множество взаимоисключающих объяснений. Одно из них, по сути, культурно-примордиалистское, сводит события к вековой межнациональной ненависти, сдерживаемой лишь коммунистической диктатурой; другое, напротив, изображает БиГ чуть ли не идиллическим мультиэтническим обществом, разрушенным манипуляциями элит соседних государств. Обе трактовки грешат грубым упрощением. Истина, однако, заключается в том, что новейшая история Боснии и Герцеговины – это во многом история войн, восстаний, иностранных оккупаций и периодических политических кризисов, которые сформировали глубоко разделённое общество (Burg & Shoup, 1999, с. 17). Без понимания

того, как именно этот исторический опыт повлиял на коллективное сознание, невозможно объяснить ни ожесточённость конфликта 1990-х годов, ни ту лёгкость, с которой удалось разрушить межэтническое доверие (Стоянович, Балканы, 2025).

Парадокс боснийской ситуации заключается в том, что историческая память здесь выполняет двойственную функцию: с одной стороны, она служит ресурсом выживания и консолидации этнических групп, с другой – воспроизводит те самые травмы, которые делают длительную стабилизацию почти недостижимой (Стоянович, Историческая и культурная роль, 2026, с.35-48) Как замечает Д. Оуэн, «на Балканах всё пропитано историей, и даже самое тщательное изучение тонет в её сложностях» (Оуэн, 1996, с. 27). Народы полуострова живут прошлым в гораздо большей степени, чем западноевропейские нации, для которых история – скорее музейный экспонат (Стоянович, Балканы, 2025) В Боснии же «параллельные» национальные истории трёх основных общин – сербской, хорватской и бошняцкой – не просто расходятся в оценках, но порой описывают три совершенно разные реальности (Шиповац, 2005, с. 415, Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90).

Теоретические рамки: война, травма и конструирование идентичности

Современная этнополитология предлагает несколько взаимодополняющих теоретических подходов, позволяющих осмыслить связь между войной и формированием национальной идентичности (Стоянович, Стоянович, Война и национальный идентитет, 2026, с. 21-33) Чарльз Тилли в своей классической формуле «война создаёт государство, а государство – войну» продемонстрировал, что именно военная мобилизация вынуждает элиты создавать институты, способные извлекать ресурсы и поддерживать лояльность населения, что, в свою очередь, кристаллизует коллективную идентичность (Tilly, 1990, с. 67-95). На Балканах, где государственные границы на протяжении столетий оставались подвижными и нестабильными, роль «государства» в тиллианском смысле часто выполняла этнорелигиозная община, сплочённая общим опытом сопротивления (Стоянович, Балканы, 2025).

Энтони Смит, основатель этносимволистского подхода, убедительно показал, что этнические группы выживают даже в отсутствие собственной государственности благодаря мифо-символическому комплексу – совокупности мифов о происхождении, «золотом веке», героях-мучениках и избранности (Стоянович, Историческая и культурная роль, 2026, с. 35-48). Войны в этой парадигме играют ключевую роль: они предоставляют сырой материал для героических нарративов и одновременно подтверждают образ «враждебного другого» (Smith, 1992, с. 436-456). Для сербского народа такими конституирующими событиями

стали Косовская битва 1389 г., Первое и Второе сербские восстания (1804-1813 и 1815 гг.), Балканские (1912-1913 гг. и мировые войны 1914-1918 и 1941-1945 гг., а также геноцид в Независимом Государстве Хорватии (НГХ) – каждое из них породило мощный пласт символов, сохраняющих актуальность и сегодня (Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90).

Постколониальная оптика, применяемая к Балканам, добавляет ещё одно важное измерение. Мария Тодорова, введя понятие «балканизма», показала, как западный дискурс конструирует Балканы в качестве «неполноценного Другого» Европы, приписывая региону врождённую склонность к насилию и иррациональности (Todorova, 1997, с. 3-20). Эта внешняя стигматизация, в свою очередь, интериоризируется местными элитами и используется для мобилизации: сербский национальный нарратив нередко апеллирует к образу «осаждённой крепости», которую Запад не понимает и не желает понимать. Таким образом, война оказывается не только внутренним, но и внешне сконструированным феноменом, что придаёт дополнительную сложность постконфликтному урегулированию (Стоянович, Балканы, 2025).

Историческая память как фактор идентичности на Балканах

Коллективная память, по П. Коннертону, не является суммой индивидуальных воспоминаний: люди вспоминают события через взаимодействие с другими членами группы, и для эффективной коммуникации необходимо разделять общие символы, даты и нарративы (Коннертон, 1989, с. 36-38, Стоянович, Историческая и культурная роль, 2026, с. 35-48). На Балканах это свойство социальной памяти проявлено гипертрофированно. Даже те, кто не был непосредственным свидетелем трагедий, эмоционально вовлечены в них через семейные предания, церковные проповеди и школьное образование. Более того, как подчёркивает М. Резун, Вторая мировая война для южных славян – вовсе не академическая история. «Этот ужасный конфликт постоянно присутствует в сознании, о нём говорят так, будто он случился вчера, и память о войне усиливает взаимную неприязнь» (Rezun, 1995, с. 51). Такая темпоральная компрессия превращает каждое новое поколение в носителя травм, которых оно лично не переживало, но которые определяют его политическое поведение (Стоянович, Роль войны в формировании, 2026, с. 55-64).

Босния и Герцеговина в данном контексте представляет собой уникальную лабораторию. Здесь одни и те же исторические факты обретают полярные интерпретации в зависимости от этнической принадлежности интерпретатора. Хрестоматийный пример – покушение Гаврилы Принципа в 1914 г. Если сербская (и в целом югославская) историография видела в «Младе Босне» романтических борцов против оккупации, то

бошняцкая (мусульманская) элита в 1990-е годы переквалифицировала их в террористов, а мост, названный именем Принципа, переименовала в мост принца Фердинанда (Шиповац, 2005, с. 415). Подобная конфронтация исторических нарративов делает любую общенациональную «правду» почти недостижимой. П. Колсто справедливо заключает, что автостереотипы и гетеростереотипы соседних общин могут отталкиваться от исторических фактов, но видоизменяют их до неузнаваемости, определяя группы в антагонистических терминах (Kolsto, 2005, с. vii, Стоянович, Социальный феномен войны, 2026, с. 72-83).

Л. Коэн среди трёх главных причин дезинтеграции Югославии называет именно «глубоко укоренённые анимозитеты, порождённые многовековым совместным существованием, и желание исправить несправедливости, восходящие к кровавым событиям Второй мировой войны» (Cohen, 1995, с. 328). В боснийском контексте к этому добавляется ещё одно измерение: отсутствие единого «зонтичного» нарратива, который мог бы абсорбировать частные национальные истории. Напротив, каждая община выработала собственный «мифомотор» – комплекс мифов, легитимирующих её право на территорию и политическую автономию (Ramet, 2002, с. 37-45, Стоянович, Социальный феномен войны, 2026, с. 72-83, Стоянович, Роль войны в формировании, 2026, с. 55-64).

Внешние доминации и религиозно-культурный раскол Боснии

На протяжении большей части своей истории Босния и Герцеговина представляла собой перекрёсток империй (Стоянович, Балканы, 2025). Как отмечает К. Бугарел, «здесь пересекались соперничества между католичеством и православием, а с XV века – между христианским Западом и мусульманским Востоком» (Бугарел, 2004, с. 45). Боснийская территория последовательно входила в состав Римской империи, средневековых сербских государств (Сербия, Босния), Османской империи, Австро-Венгрии и, наконец, двух югославских образований. Каждый период сопровождался масштабными миграциями, религиозными конверсиями и вооружёнными конфликтами, которые, по выражению Бугарела, «питают внутренние разломы боснийского общества и подпитываются ими» (Бугарел, 2004, с. 46).

Османское завоевание (1463 г.) стало, пожалуй, самым глубоким разломом. Миллет-система, предоставлявшая религиозным общинам широкую автономию во внутренних делах, одновременно законсервировала конфессиональные границы и превратила их в протоэтнические. Славяне, принявшие ислам, интегрировались в господствующий слой, тогда как православное и католическое население оказалось в положении «райи» – податного сословия с ограниченными правами (Malcolm, 1996, с. 93-108). Возникновение славяно-мусульманской общины, которую сербы и хорваты впоследствии воспринимали как

наследницу оккупантов, превратило религиозную границу в этническую. Й. Бодански подчёркивает, что драматически различный исторический опыт, накопленный сербами и хорватами за столетия иноземного владычества, сформировал не просто разные политические культуры, но и взаимное восприятие себя как «стражей ворот» Европы перед лицом угрозы с Востока (Bodansky). Исламизированные славяне, в свою очередь, стали ассоциироваться с «предательством» собственного народа и веры, а страх перед мусульманским доминированием в унитарной Боснии превратился для сербов в рациональный политический инстинкт, основанный на историческом опыте угнетения (Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90).

С. Берг и П. Шуп резюмируют боснийскую историю как «череду крестьянских восстаний, войн и иностранных оккупаций, перемежающихся периодами социального порядка» (Burg & Shoup, 1999, с. 34). Именно эта череда катастроф превратила этническую солидарность в главный ресурс выживания. Не случайно, как свидетельствует масштабное исследование межетнических отношений в посткоммунистической Восточной Европе начала 1990-х годов, «народы Восточной Европы попросту не любят своих соседей; этнические размежевания настолько глубоки, а национальная нетерпимость настолько сильна, что радикальное улучшение отношений придётся отложить до прихода новых поколений» (цит. по: Кецмановић, 2005, с. 159).

Австро-венгерский период: попытка конструирования «бошняштва» и её последствия

Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1878 г. по решению Берлинского конгресса открыла новую главу в истории региона. Венская администрация, возглавляемая министром финансов Беньямином Каллаем, предприняла амбициозную попытку создать наднациональную боснийскую идентичность – «бошняштво». Каллай исходил из того, что ослабление сербского и хорватского национализмов возможно через поощрение особого «боснийского» патриотизма, опирающегося на территориальный, а не этнический принцип. Была создана единая школьная система, введены общие учебники истории, ограничена деятельность как православной, так и католической церковных иерархий (Okey, 2007, с. 143-165, Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90).

Однако проект Каллая потерпел двойное фиаско. Во-первых, сербское население усмотрело в нём прямую угрозу своей вере и национальному имени. Именно в ответ на политику «бошняштва» активизировались сербские культурные и политические организации, требовавшие сохранения православного образования и церковной автономии.

Во-вторых, сама мусульманская элита, первоначально поддерживавшая австрийцев, постепенно разочаровалась в режиме, который, несмотря на декларации, оставался христианским и западным по своей сути. Таким образом, попытка сконструировать «боснийскую нацию» парадоксальным образом усилила все три этнических национализма, придав им новые институциональные формы.

Этот исторический прецедент имеет прямое отношение к современным дебатам о будущем Боснии и Герцеговины. Он демонстрирует, что навязывание наднациональной идентичности сверху, без учёта глубоко укоренённых исторических травм и религиозных различий, не только не устраняет этнические лояльности, но и провоцирует их ужесточение. Урок Каллая остаётся невыученным многими международными администраторами, которые продолжают рассматривать боснийских сербов как «препятствие» на пути к унитарной демократии, игнорируя исторический генезис их стремления к автономии (Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90).

Войны и оккупации как катализаторы сербской национальной идентичности

Сербская национальная идентичность формировалась в условиях почти перманентной борьбы за существование. Д. Чосич метко охарактеризовал сербское бытие как «экзистенцию на дуалистическом принципе: вера и вероотступничество, победа и поражение, героизм и предательство равно значимы и равно запечатлены в памяти» (Чосич, 1992). Именно пограничное положение между империями – Османской и Австро-Венгерской – принудило сербов, по словам писателя, к «самосознанию или уничтожению; к отстаиванию идентичности или ассимиляции» (там же).

Ключевую роль в этом процессе сыграла Сербская православная церковь. Н. Колевич, анализируя связь религии и культуры, отмечает, что восточное христианство, принявшее платоновский акцент на первичности идеала, воспитало в сербах особое почитание прошлого, предков и традиции (Koljević, 1997, с. 40). Церковная литургия и народные обычаи совместно транслировали веру в то, что высшие идеалы человечества передаются от прошлых поколений к нынешним. При османском миллет-системе именно православная церковь стала не только духовным, но и политическим институтом, сохранявшим сербское самосознание в отсутствие собственной государственности. Печская патриархия, восстановленная в 1557 г. благодаря усилиям великого визиря Мехмед-паши Соколовича (серб по происхождению), играла роль квазигосударственного центра, объединявшего сербов от Далмации до Болгарии (Stoianovich, 1994, с. 56-78).

Исторические мифы, рождённые войнами, – другой стержень сербской идентичности (Стоянович, Стоянович, Война и национальный идентитет, 2026, с. 21-33, Стоянович,

Историческая и культурная роль, 2026, с. 35-48). Все они, как подчёркивает П. Колсто, уходят корнями в битвы – выигранные или проигранные, – которые велись против чужеземных завоевателей (Kolsto, 2005, с. 15). Косовский миф, в котором поражение 1389 г. трактуется как сознательный выбор «царства небесного» в пользу сохранения православной веры, стал центральным элементом сербского национального нарратива. Миф о гайдуках и ускоках – христианских повстанцах, мстивших турецким угнетателям, – легитимировал вооружённое сопротивление как моральный долг. Однако наибольшую эмоциональную нагрузку несёт память о геноциде, осуществлённом хорватскими уставами в Независимом государстве Хорватия (НДХ) в 1941-1945 гг. По оценкам историков, только в лагере Ясеновац было уничтожено от 700 тысяч до миллиона сербов (Tomasevich, 2001, с. 718-750). Эта травма, десятилетиями замалчивавшаяся в титовской Югославии, стала мощнейшим мобилизационным ресурсом в 1990-е годы: лозунг «Это не должно повториться» превратился в политический императив (Стоянович, Балканы, 2025).

Д. Батакович, возражая против западной историографии, сосредоточенной почти исключительно на исламском наследии БиГ, настаивает на том, что сербы составляли демографическое большинство в средневековой Боснии, а сербская политическая и культурная модель была там доминирующей (Батакович, 1996, с. 9). Забвение этого факта, по его мнению, ведёт к искажённому пониманию современных процессов. Действительно, значительная часть западной литературы, посвящённой боснийскому кризису, страдает от того, что Милорад Экмечич назвал «селективным использованием источников», при котором османское и исламское наследие выпячивается, а сербский вклад минимизируется (Екмечич, 1995). Подобный дисбаланс лишь усугубляет ощущение исторической несправедливости среди сербского населения.

Г. Киссинджер констатировал, что ни одна из трёх боснийских общин «никогда не принимала доминирования со стороны другой или третьей», и хотя внешним силам время от времени удавалось принудить их к покорности, друг другу они не подчинялись никогда (Kissinger, 1996). Этот страх перед утратой контроля над собственной судьбой – не иррациональный фантом, а следствие многовекового опыта, в котором утрата власти означала физическое уничтожение или насильственную ассимиляцию.

Титовская Югославия: подавленная память и латентный конфликт

Период социалистической Югославии (1945-1992) представляет собой парадоксальный этап в истории сербской идентичности в Боснии и Герцеговине. С одной стороны, режим Иосипа Броз Тито провозгласил политику «братства и единства», направленную на преодоление межэтнической розни. С другой стороны, эта политика

реализовывалась ценой замалчивания военных травм: публичное обсуждение усташского геноцида подавлялось как «разжигание национальной ненависти» (Ванас, 1992, с. 145-160). Результатом стало не исчезновение исторических обид, а их вытеснение в сферу приватной, семейной памяти, где они сохраняли свою взрывную силу (Стоянович, Балканы, 2025).

Конституционная реформа 1971-1974 гг., превратившая Югославию в асимметричную федерацию и предоставившая автономию Косову и Метохии и Воеводине в составе Сербии, воспринималась сербскими интеллектуалами как целенаправленное ослабление «самой большой республики» (Ramet, 2002, с. 190-210). Признание мусульман отдельной нацией (перепись 1971 г.) в Боснии имело двойственные последствия: с одной стороны, оно удовлетворяло требования бошняцкой элиты, с другой – усиливало у сербов ощущение, что в унитарной БиГ они рискуют оказаться в роли подчинённого меньшинства. Демографические тренды – постепенное снижение доли сербов в населении республики вследствие миграции и дифференциальной рождаемости – подкрепляли эти страхи.

Смерть Тито в 1980 г. и последовавший экономический кризис создали вакуум, в который устремились националистические движения. Публикация «Меморандума Сербской академии наук и искусств» (1986 г.) стала попыткой артикулировать накопившиеся исторические обиды сербского народа, включая критику «антисербской» политики в Косово и Метохии и дискриминации сербов в Боснии (Denich, 1994, с. 356-378). Хотя документ был резко осуждён официальными властями, его идеи быстро нашли отклик среди сербов, остро ощутивших угрозу своему национальному существованию.

Распад Югославии и война 1992-1995 гг.: мобилизация исторической памяти

Попытка бошняцкого руководства во главе с Алией Изетбеговичем добиться международного признания независимой Боснии и Герцеговины без согласия всех трёх конститутивных народов стала триггером вооружённого конфликта. Для боснийских сербов перспектива оказаться в государстве, где они превратились бы из равноправной общины в меньшинство, была неприемлема именно в силу исторического опыта. Лозунг «Мы не хотим быть меньшинством в мусульманской Боснии» отсылал одновременно и к османскому периоду, и к геноциду НДХ, когда сербы в этих же землях были объектом систематического уничтожения (Tomasevich, 2001, с. 718-750, Стоянович, Балканы, 2025, Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90).

Как показывают С. Берг и П. Шуп, бурная история Боснии не просто усилила страхи, но сформировала такие «ментальные карты», в которых коммунальная солидарность ставилась выше межэтнического примирения (Burg & Shoup, 1999, с. 17). Именно поэтому политическая мобилизация по этническому принципу оказалась столь лёгкой и

стремительной. Лидеры боснийских сербов, прежде всего Радован Караджич, активно апеллировали к памяти о Ясеноваце и других усташских лагерях, проводя прямые параллели между угрозой 1941 г. и текущим моментом. Историческая память стала не просто риторическим инструментом, но реальным фактором, определявшим поведение сотен тысяч людей.

Создание Республики Сербской (провозглашена 9 января 1992 г.) стало институциональным ответом на эти страхи. В сербском национальном дискурсе РС рассматривается как гарантия того, что трагедии прошлого не повторятся, как «сербская автономия в пределах исторических сербских земель» (Koljević, 1996, с. 46). Дейтонские соглашения 1995 г., завершившие войну, закрепили это образование в качестве одного из двух энтитетов Боснии и Герцеговины, придав ему значительную степень политической и культурной самостоятельности. Таким образом, многовековой опыт войны и оккупаций получил своё территориально-политическое воплощение (Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90).

Постдейтонская динамика: образование, учебники истории и сопротивление унитаризации

После 1995 г. международное сообщество, действуя через Аппарат Высокого представителя (ОНР), предприняло серию шагов, направленных на укрепление центральной власти и ослабление полномочий энтитетов. Одним из ключевых полей битвы стала образовательная политика. Попытки ввести единые учебники истории для всей БиГ натолкнулись на ожесточённое сопротивление в Республике Сербской, где они были восприняты как попытка навязать «бошняцкую» версию прошлого и лишить сербских детей права знать свою национальную историю (Torsti, 2003, с. 145-168).

Исследования постконфликтных обществ показывают, что реформа образования является одним из самых чувствительных аспектов миростроительства. В обществах, где исторические нарративы радикально расходятся, преждевременное введение «общей правды» воспринимается не как шаг к примирению, а как попытка победившей стороны закрепить свою версию событий (Freedman et al., 2008, с. 234-250). Именно это и произошло в Боснии: сербская община увидела в инициативах международных чиновников продолжение той же политики денационализации, которую некогда проводили Каллай и Тито. Закономерным итогом стал компромисс, при котором каждый энтитет и даже отдельные кантоны сохранили право на собственные программы по «национальной группе предметов» – истории, языку, литературе и религии.

Этот компромисс часто критикуется западными экспертами как «увековечивание

этнического разделения», однако альтернативы ему до сих пор не найдено. Как отмечает С. Двайер, успешное примирение требует «общей истины» – согласованного нарратива, который не может быть навязан извне, но должен созреть внутри самого общества (Dwyer, 1999, с. 81-98). Пока же три народа Боснии продолжают жить в трёх параллельных исторических реальностях, любые попытки унификации образования будут восприниматься как акт культурной агрессии и, скорее всего, приведут к ещё большей консолидации сопротивляющейся общины.

Устойчивость идентичности и бесперспективность её «быстрого переформатирования»

Попытки сконструировать надэтническую «боснийскую» нацию предпринимались неоднократно: османскими властями, австро-венгерской администрацией, коммунистическим режимом Тито, а в последние десятилетия – международным сообществом. Однако все они потерпели фиаско. Причина, по мнению ряда исследователей, заключается в игнорировании потребности людей в защите групповой идентичности, культурных связей и контроля над непосредственной средой обитания (Azar, 1990). Искусственные, лишённые глубокой символической основы «инстант-идентичности» не способны конкурировать с теми идентичностями, которые выковывались веками жертв и борьбы (Стоянович, Балканы, 2025).

Наглядной иллюстрацией служит современная боснийская государственная символика: флаг, напоминающий логотип Европейского союза, и гимн без слов, поскольку три народа так и не смогли договориться о тексте. Сложно представить, чтобы ради членства в ЕС кто-либо из балканских народов согласился отбросить собственную историю и идентифицировать себя с безликой символикой наднациональной бюрократии. Более того, попытки центральных властей в Сараево, поддержанные международными представителями, усилить унитарные функции государства – через реформу образования, создание единой армии и пересмотр учебников истории – неизменно наталкиваются на жёсткое сопротивление в Республике Сербской, где они воспринимаются как посягательство на право хранить собственную память.

Сравнительная перспектива подтверждает этот тезис. Исследования постконфликтных обществ – от Северной Ирландии до Ливана – показывают, что устойчивый мир достигается не через упразднение этнических идентичностей, а через их институциональное признание и создание механизмов раздела власти (Lijphart, 2004, с. 96-109). Консоциативная модель, элементы которой заложены в Дейтонских соглашениях, исходит из того, что глубоко разделённые общества могут быть стабильными, если каждый

сегмент имеет право вето на жизненно важные решения и достаточную степень автономии. Попытки же форсированной унитаризации в таких обществах почти всегда ведут к возобновлению конфликта.

Дж. Шопфлин точно подметил, что этничность конструируется в непрерывном взаимодействии внутренних и внешних определений, причём сопоставление с «другим» играет решающую роль (Schopflin, 2000, с. 90). Именно в оппозиции к османскому, католическому, а позднее – к бошняцкому и хорватскому национализмам кристаллизовался и продолжает воспроизводиться сербский национальный характер (Стоянович, Османское наследие, Республика Сербская, 2026, с. 84-90). Попытка упразднить эти разграничительные линии административным путём не устраняет их, а лишь загоняет вглубь, создавая иллюзию стабильности. Э. Смит предупреждал, что чем теснее связь соперничающих общин с определённой территорией, тем выше вероятность интенсивного конфликта (Smith, 1992, с. 450). Боснийская действительность полностью подтверждает этот тезис: земля, на которую три народа предъявляют исторические и символические права, остаётся полем непрекращающегося «войны нарративов».

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что национальная идентичность сербского народа в Республике Сербской и Боснии и Герцеговине неразрывно связана с многовековым опытом вооружённого противостояния иностранным завоевателям и оккупационным режимам. От османской миллет-системы до австро-венгерского «бошняштва», от геноцида НГХ до конфликта 1990-х годов – каждый исторический этап добавлял новые слои травм и одновременно усиливал консолидацию сербской общины. Именно этот опыт превратил историческую память в центральный компонент самосознания, наделил Сербскую православную церковь функциями хранителя нации, а героические и трагические мифы сделал мобилизующей силой.

Теоретическая оптика этносимволизма и постколониальных исследований позволяет увидеть, что «сербский вопрос» в Боснии – это не продукт «манипуляций элит» и не проявление врождённой агрессивности, а закономерный результат столетий иноземного господства, в ходе которых этническая солидарность стала единственной гарантией выживания. Современные попытки навязать надэтническое «боснийство» повторяют ошибки прежних империй и, по всей вероятности, обречены на тот же результат.

Перспективы стабилизации региона лежат не в игнорировании укоренённых идентичностей, а в поиске институциональных форм, признающих их историческую легитимность и право на коллективную память. Консоциативная модель, предложенная

Дейтоном, при всех своих недостатках остаётся единственной работающей формулой, позволяющей трём народам сосуществовать в рамках одного государства, не отказываясь от собственной истории. Пока же, как гласит балканская пословица, «этот регион имеет столь богатую историю, что ему не нужна будущность», – и преодоление этой иронии остаётся главным вызовом для всех сторон, вовлечённых в боснийский мирный процесс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батакович Д. Т. The Serbs of Bosnia and Herzegovina – History and Politics. – Paris: Dialogue, 1996. – 9 с.
2. Бугарел К. Босна – Анатомија рата. – Београд: Едиција реч, 2004. – 45-46 с.
3. Екмечич М. Shorter History. – Paris: Dialogue, 1995.
4. Кецманович Н. Домети демократије. – Београд: ФПН, 2005. – 159 с.
5. Коннертон П. How Societies Remember. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – С. 36-38.
6. Кољевић Н. Од Платона до Дејтона. – Бања Лука, 1996. – 46 с.
7. Оуэн Д. Балканска одисеја. – Београд: Радио Б92, 1996. – 27, 29 с.
8. Стоянович М. Балканы: история и перспективы, Балканский дипломат, М.: 2025, 336 с.
9. Стоянович М. Война и национальный идентитет // История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 21–33.
10. Стоянович М. Историческая и культурная роль войны в формировании и утверждении национального идентитета // История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 35–48.
11. Стоянович М. Роль войны в формировании национального идентитета // История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 55-64.
12. Стоянович М. Социальный феномен войны: теоретические подходы, этнические конфликты и конструирование национального идентитета // История. Историки. Источники. – 2026. – № 3. С. 72-83.
13. Стоянович М. Османское наследие, Республика Сербская и сербский национальный идентитет в Боснии и Герцеговине // История. Историки. Источники. – 2026. – № 3. С. 84-90.
14. Ћосић Д. Српско питање – демократско питање. – Београд: Политика – Стручна књига, 1992.
15. Шиповац Н. Суштину Дејтона не знају ни његови моћни доносиоци // Република

Српска – Десет година Дејтонског мировног споразума. – Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2005. – С. 415.

16. Azar E. E. The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases. – Aldershot: Dartmouth, 1990.

17. Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. – Ithaca: Cornell University Press, 1992. – С. 145-160.

18. Bodansky Y. Offensive in the Balkans – The Potential for a Wider War as a Result of Foreign Intervention in Bosnia and Herzegovina. – The International Strategic Studies Association.

19. Burg S. L., Shoup P. S. The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention. – London: M. E. Sharpe, 1999. – 17, 34 с.

20. Cohen L. J. Broken Bonds: Yugoslavia's Disintegration and Balkan Politics in Transition. – Oxford: Westview Press, 1995. – 328 с.

21. Denich B. Dismembering Yugoslavia: Nationalist Ideologies and the Symbolic Revival of Genocide // American Ethnologist. – 1994. – Vol. 21. – № 2. – С. 356-378.

22. Dwyer S. Reconciliation for Realists // Ethics and International Affairs. – 1999. – № 13. – С. 81-98.

23. Freedman S. W. et al. Teaching History in Post-Conflict Societies: The Case of Bosnia and Herzegovina // Comparative Education Review. – 2008. – Vol. 52. – № 2. – С. 234-250.

24. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley: University of California Press, 1985.

25. Kissinger H. America in the Eye of a Hurricane // Los Angeles Times Syndicate. – 1996. – 08.09.

26. Koljević N. The Serbs and Culture as Identity // The Serbs and Their National Interest / ed. N. von Ragenfeld-Feldman, D. T. Bataković. – San Francisco; Belgrade: Serbian Unity Congress, 1997. – С. 40.

27. Kolsto P. Myths and Boundaries in South-Eastern Europe. – London: Hurst & Company, 2005. – vii, 15 с.

28. Lijphart A. Consociationalism and Power-Sharing: Theoretical and Empirical Observations // Cambridge Review of International Affairs. – 2004. – Vol. 17. – № 1. – С. 96-109.

29. Malcolm N. Bosnia: A Short History. – New York: New York University Press, 1996. – С. 93-108.

30. Okey R. Taming Balkan Nationalism: The Habsburg “Civilizing Mission” in Bosnia, 1878-1914. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – С. 143-165.

31. Ramet S. P. Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to

the Fall of Milošević. – 4th ed. – Boulder: Westview Press, 2002. – С. 37-45, 190-210.

32. Rezun M. Europe and War in the Balkans: Towards a New Yugoslav Identity. – London: Praeger, 1995. – 51 с.

33. Schopflin G. Nations, Identity, Power: The New Politics of Europe. – London: Hurst & Company, 2000. – 90, 332 с.

Smith A. D. Chosen Peoples: Why Ethnic Groups Survive // Ethnic and Racial Studies. – 1992. – Vol. 15. – С. 436-456.

34. Stoianovich T. Balkan Worlds: The First and Last Europe. – Armonk: M. E. Sharpe, 1994. – С. 56-78.

35. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. – Cambridge: Blackwell, 1990. – С. 67-95.

36. Todorova M. Imagining the Balkans. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – С. 3-20.

37. Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941-1945: Occupation and Collaboration. – Stanford: Stanford University Press, 2001. – С. 718-750.

38. Torsti P. Divergent Stories, Convergent Attitudes: A Study on the Presence of History, History Textbooks and the Thinking of Youth in Post-War Bosnia and Herzegovina. – Helsinki: University of Helsinki, 2003. – С. 145-168.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Batakovich D. T. The Serbs of Bosnia and Herzegovina – History and Politics. – Paris: Dialogue, 1996. – 9 s.

2. Bugarel K. Bosna – Anatomija rata. – Beograd: Edicija rech, 2004. – 45-46 s.

3. Ekmechich M. Shorter History. – Paris: Dialogue, 1995.

4. Kecmanovich N. Dometi demokratije. – Beograd: FPN, 2005. – 159 s.

5. Konnerton P. How Societies Remember. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – S. 36-38.

6. Кољевић Н. Од Платона до Дејтона. – Вања Лука, 1996. – 46 s.

7. Ouen D. Balkanska odiseja. – Beograd: Radio B92, 1996. – 27, 29 s.

8. Stoyanovich M. Balkany: istoriya i perspektivy, Balkanskij diplomat, M.: 2025, 336 s.

9. Stoyanovich M. Vojna i nacional'nyj identitet // Istoriya. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S. 21–33.

10. Stoyanovich M. Istoricheskaya i kul'turnaya rol' vojny v formirovanii i utverzhdenii nacional'nogo identiteta // Istoriya. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S. 35–48.

11. Stoyanovich M. Rol' vojny v formirovanii nacional'nogo identiteta // Istorija. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S.55-64.
12. Stoyanovich M. Social'nyj fenomen vojny: teoreticheskie podhody, etnicheskie konflikty i konstruirovanie nacional'nogo identiteta // Istorija. Istoriki. Istochniki. – 2026. – № 3. S. 72-83.
13. Stoyanovich M. Osmanskoe nasledie, Respublika Serbskaya i serbskij nacional'nyj identitet v Bosnii i Gercegovine // Istorija. Istoriki. Istochniki. – 2026. – № 3. S. 84-90.
14. Ћosiћ D. Srpsko питање – demokratsko питање. – Beograd: Politika – Struchna књига, 1992.
15. Shipovac N. Sushtinu Dejtona ne znaju ni његови моћни donosioci // Republika Srpska – Deset godina Dejtonskog mirovnog sporazuma. – Вања Лука: Akademija nauka i umjetnosti Republike Srpske, 2005. – S. 415.
16. Azar E. E. The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases. – Aldershot: Dartmouth, 1990.
17. Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. – Ithaca: Cornell University Press, 1992. – S. 145-160.
18. Bodansky Y. Offensive in the Balkans – The Potential for a Wider War as a Result of Foreign Intervention in Bosnia and Herzegovina. – The International Strategic Studies Association.
19. Burg S. L., Shoup P. S. The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention. – London: M. E. Sharpe, 1999. – 17, 34 s.
20. Cohen L. J. Broken Bonds: Yugoslavia's Disintegration and Balkan Politics in Transition. – Oxford: Westview Press, 1995. – 328 s.
21. Denich B. Dismembering Yugoslavia: Nationalist Ideologies and the Symbolic Revival of Genocide // American Ethnologist. – 1994. – Vol. 21. – № 2. – S. 356-378.
22. Dwyer S. Reconciliation for Realists // Ethics and International Affairs. – 1999. – № 13. – S. 81-98.
23. Freedman S. W. et al. Teaching History in Post-Conflict Societies: The Case of Bosnia and Herzegovina // Comparative Education Review. – 2008. – Vol. 52. – № 2. – S. 234-250.
24. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley: University of California Press, 1985.
25. Kissinger H. America in the Eye of a Hurricane // Los Angeles Times Syndicate. – 1996. – 08.09.
26. Koljević N. The Serbs and Culture as Identity // The Serbs and Their National Interest / ed. N. von Ragenfeld-Feldman, D. T. Bataković. – San Francisco; Belgrade: Serbian Unity

Congress, 1997. – S. 40.

27. Kolsto P. Myths and Boundaries in South-Eastern Europe. – London: Hurst & Company, 2005. – vii, 15 s.

28. Lijphart A. Consociationalism and Power-Sharing: Theoretical and Empirical Observations // Cambridge Review of International Affairs. – 2004. – Vol. 17. – № 1. – S. 96-109.

29. Malcolm N. Bosnia: A Short History. – New York: New York University Press, 1996. – S. 93-108.

30. Okey R. Taming Balkan Nationalism: The Habsburg “Civilizing Mission” in Bosnia, 1878-1914. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – S. 143-165.

31. Ramet S. P. Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the Fall of Milošević. – 4th ed. – Boulder: Westview Press, 2002. – S. 37-45, 190-210.

32. Rezun M. Europe and War in the Balkans: Towards a New Yugoslav Identity. – London: Praeger, 1995. – 51 s.

33. Schopflin G. Nations, Identity, Power: The New Politics of Europe. – London: Hurst & Company, 2000. – 90, 332 s.

Smith A. D. Chosen Peoples: Why Ethnic Groups Survive // Ethnic and Racial Studies. – 1992. – Vol. 15. – S. 436-456.

34. Stoianovich T. Balkan Worlds: The First and Last Europe. – Armonk: M. E. Sharpe, 1994. – S. 56-78.

35. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. – Cambridge: Blackwell, 1990. – S. 67-95.

36. Todorova M. Imagining the Balkans. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – S. 3-20.

37. Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941-1945: Occupation and Collaboration. – Stanford: Stanford University Press, 2001. – S. 718-750.

38. Torsti P. Divergent Stories, Convergent Attitudes: A Study on the Presence of History, History Textbooks and the Thinking of Youth in Post-War Bosnia and Herzegovina. – Helsinki: University of Helsinki, 2003. – S. 145-168.

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», проф. ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».